"И возвратился Моисей к Господу и сказал: о, народ сей сделал великий грех; сделал себе золотого бога.
Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал" (Исх. 32: 31-32)

"И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унизил ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел"
А. Тарковский

ТАЙНАЯ ВОЙНА ЛЕТА 1941

Или рассказ о том, как деревенский подросток и его семья спасли от разрушения мост через Ветлугу, разоблачив немецкого диверсанта[1].

I

Во вторник, 8 июля 1941, года моего отца, Ивана Петровича, послали от колхоза на перевозку почты из Прудовского сельсовета в Михайловицу и обратно. Надо сказать, что до 50-х годов она перевозилась силами колхозов, это был один из видов гужевой повинности. Заодно из Михайловицы надо было привезти нашу деревенскую роженицу с младенцем. Поскольку почту без присмотра оставлять нельзя, а вдруг да придется отлучиться, отец взял меня с собой.

Добрались до Михайловицы, подъехали к почтовому отделению. Ждем, когда нам почту выдадут. В это время к отцу подошел молодой незнакомец, светлорусоволосый сухопарый, стройный. На нем был светло-серый с зеленоватым отливом костюм, на пиджаке два нагрудных кармана и два боковых, все с верхними клапанами-крышками на пуговицах. В общем, одет не по-деревенски. Не колхозник, не местный. Он спросил, не из Прудовского ли мы сельсовета? И попросил довезти его до Туранской мельницы, что на речке Зимнице, впадающей в речку Нюрюг у Головина. Вообще-то попутчиков с почтой брать было запрещено (да и сейчас, наверное, так). Отец попросил показать документы. Незнакомец подал паспорт. Отец внимательно его изучил и передал мне. До сих пор хорошо помню, что в паспорте четко черной тушью было записано: "Сокк Виктор Васильевич, национальность - эстонец, родился ... в Эстонии". Сокк говорил по-русски не чисто, с сильным акцентом, то и дело вставляя невпопад слово "дескать". Понимая, какое впечатление производит его речь, он объяснил, что у его отца, Василия, отец был эстонец, а мать русская, поэтому отец имел эстонскую фамилию - Сокк, а имя ему дали русское. Отец тоже женился на русской, так как Эстония тогда входила в состав России, и русских там было много. Вот и ему, рассказчику, имя тоже дали русское - Виктор. И стал он Сокк Виктор Васильевич, потому что его "мать, дескать, русская". А сейчас он работает в Горьковском обкоме ВКП(б) и командирован в Прудовский сельсовет в качестве уполномоченного. Отец попросил предъявить соответствующий документ. Сокк показал командировочное удостоверение, выданное Горьковским обкомом ВКП(б), с печатью и подписью. Все точно: направлен в наш сельсовет.

Районные уполномоченные считали наш дальний угол района глубинкой. Земли у нас много, налоги огромны, а работников почти не было. Поэтому вся жизнь в деревнях сельсовета была под строгими взорами уполномоченных, которые требовали работать каждый день от темна до темна всем, даже детям 8-9 лет. Так было многие годы. И задолго до войны - так. Потому, знать, и поверили райкомовцы, что нам нужен еще и обкомовец.

А меня как-то резануло, что человек, у которого мать русская, так плохо знает язык. Не могло такого быть. Да еще это ни к селу, ни к городу вставляемое слово "дескать". Уже и до нарочитости.

Сокка мы, конечно, не повезли, но по его настойчивой просьбе довезти хотя бы багаж до мельницы, чемодан взяли в повозку. "Давай, - говорит отец, - оставим твою поклажу в деревне Лопатинское, в сельсовете, что в двух верстах от мельницы". Сокк отказался. "Ого, - подумал я, - боится, что ли, сразу в сельсовет? Сначала что-то хочет вызнать, ночуя. И где же взять на каждый сельсовет по обкомовцу? Неужели шпион?"

Ехали мы домой, а я все думал про Сокка. И как это ты, эстонец, без году неделя ставший из иностранца гражданином России, очутился в городе Горьком, да не дворником, а уполномоченным обкома ВКП(б)? Как это тебе доверились? А может, и не знают там про него? Хоть бы райкомовцы сообщили в обком, что вот, мол, ваш Сокк у нас. Но вряд ли. И я решил, что за Сокком надо понаблюдать. Но кому об этом сказать?

II

До самого дома мы с отцом не оставались одни, поэтому о своих подозрениях я ему ничего не сказал. Уполномоченные шныряют всюду, где работают колхозники. Этот обкомовец зачастит и в нашу деревню, думал я. Удобнее было бы следить отцу, так как он чаще будет видеть его, но и тот вполне может заметить слежку. Лучше пока с мамой следить будем.

В деревне был голод. Налог на зерновые брался с 250 гектаров, а колхозников старше 16 лет - 23 человека. Все произведенное требовали сдавать государству. За этим и следили уполномоченные.

Решил я рассказать о своих подозрениях только одной маме, Екатерине Ефимовне Панковой. А отец долго ничего не знал, как и все остальные в семье.

Дня через два Сокк явился к сенокосникам в нашей деревне. Он поселился через три дома от нас, в семье Степана Матвеевича и Анны Ивановны Якушевых.

Якушевы до 1939 года жили на хуторе, в двух километрах севернее нашей деревни, в лесу. Однако вышло постановление правительства о ликвидации хуторов и починков, и за короткое время только в нашей округе были ликвидированы десятки таких поселений. Причем это делалось за счет хозяев. Уберись с хутора, перевези все строения, потом построй дом в чужой деревне, и все на свои средства. Ужасное разорение людей.

Якушев, искалеченный медведицей, не смог перевезти свои постройки. Эту семью приняли в колхоз "Зеленая роща" нашей деревни Старково, поселились они в пустующем доме.

Квартировать Сокку можно было и в других домах, но он поселился у знатока лесов, лесных просек, дорог и троп. Сказал, что любит охоту, а Якушев до недавнего времени был превосходным охотником.

Такой выбор жилья и постоянное отсутствие Сокка на полях насторожило маму и меня. Однажды он убил из ружья и принес к Якушевым журавля. Показывал его нам, пацанам. До охоты ли уполномоченному обкома партии, когда идет война? Журавли в ближних местах не водились, да ведь их и не бьют. Далеко же уполномоченный забирается в леса - вот тебе и обкомовец. Ясно, что его охота - предлог для ходьбы по лесам или еще где-то. Но где и что он делает? Мы знали, что в иных деревнях Сокк не бывает, да и в нашей редко появляется. В начале августа мы приметили, как Сокк возвращался вечером по дороге, шел он оттуда, где никто не работал. Из лесу, значит, со стороны хутора Якушева. На следующий день он снова оттуда же пришел. Надо было начинать следить за ним постоянно. Но как мне остаться дома, не идти работать в поле? Тут мама помогла. Она нарочно разговорилась с женщинами о моем умении плести лапти, и сразу же получила заказ от Анны Ивановны Якушевой. Кстати, Анна Ивановна хоть и остерегалась обсуждать своего квартиранта, но все-таки проговорилась, что он какой-то не такой, не похож на других уполномоченных. Никого не понукает, по лесу гуляет, да колбасу и конфетки ест. Разные, дорогие. Уж где и берет. Все уполномоченные, если надолго приезжали, ели то же, что и мы. Все это мне мама пересказала вечером и наказала, чтобы на следующий день с утра я за Сокком проследил.

С утра плету лапти, а смотрю в окна. Уже широко рассвело. Смотрю, Сокк идет по улице от Якушевых на запад. Я быстро к нему:

- Здравствуйте, Виктор Васильевич! Я к другу своему, Кольке Лабзову, пошел.

Поговорил с ним про журавля, а потом спросил:

- Я к Кольке, а вы куда?

Он сказал, что пошел в сельсовет, в деревню Лопатинское, что в пяти верстах отсюда на юго-запад. И ушел. За полверсты было видно его.

Тем временем мама моя тоже зря времени не теряла. Она пришла часа через полтора домой из северного леса, куда ходила под предлогом узнать, не пора ли косить отаву на кулигах, а на самом деле присмотреть за Сокком. Сенокос этот располагался недалеко от хутора Якушевых, от которого в разные стороны шли конные дороги. И рассказала она мне, что увидела над головой летающий по кругу самолет. Мама встала на опушке леса под дерево. Самолет снизился. И вдруг из него парашют. Под ним хорошо виден груз. Парашют опустился за узким перелеском. Она пошла к нему, да одумалась: если самолет советский, то почему сбросил груз в лесу на поляну, когда в двух километрах огромные поля нашей деревни? А если груз - шпиону, убьет, и никто об этом парашюте не узнает. Так она и пришла домой.

Только рассказала, да пососображали мы, что к чему, вижу из окна, Сокк открывает ворота, идет с большим черным чемоданом. Вот тебе на! Шел на юго-запад за пять верст, а вернулся с северной стороны деревни, откуда пришла мама, обойдя огромные поля. И все за два часа с небольшим. Мама в лесу Сокка не углядела. А он ее? И он вряд ли. Заметивши в лесу человека, он не понес бы чемодан сразу, днем.

Сокк отстал от мамы где-то на час. В чемодане весь груз бы не уместился, значит, остальное спрятал. И спрятал, наверное, в заброшенном хуторском доме Якушевых. А парашют? Сжег? Вряд ли. Дым костра может кто-то заметить, пойдут пересуды о том, что кто-то огонь в лесу разводит в такую жару. Парашют или закопан и забросан ветками, или замаскирован... Мама заметила примерное место приземления, так что груз найдет, если он там еще будет. А что за груз? Что в чемодане? Его содержимое помогло бы понять, зачем к нам этот Сокк пожаловал. Надо узнать, что в чемодане, и не у Якушевых ли он в доме? И мы придумали. Я пойду к Якушевым примерить заплетенный лапоть: по ноге ли он Анне Ивановне. Я знал, что Якушевы, как и все, кто с ними работает, не придут на обед. Перед обедом я взял заплетенный лапоть, деревцо-колодку, нож, колочиг и пошел к тете Анне. Вошел в дом. На столе у стены лежал только что виденный мною чемодан. Он был похож по размеру, но совсем не тот, который привезли мы из Михайловицы на Туранскую мельницу. (Кстати, она с 1971 года стоит в Костроме в музее народного зодчества. Увезена туда с речки Зимницы в 1969 году. Мельница, двухагрегатная, трехэтажная, была построена в 1923-1925 годах крестьянами наших деревень).

III

Я сказал, что буду ждать тетю Анну, лапоть примерить. Сокк начал посылать меня домой, мол, хозяева не придут до вечера. Я давай спорить. Говорю, тетя Анна просила принести лапоть на примерку сегодня в обед. Если не подойдет, другого размера сплету. А потом мне будет некогда. Если просила, значит, придет. Сел на табуретку возле окна и стал очень медленно доделывать лапоть. Работаю медленно, чтобы посидеть подольше, дождаться, пока его в туалет не потянет. Вот тут-то я и проверю чемодан, если, конечно, оба замка на ключ не заперты. Хотя вряд ли. Он знал, что хозяев не будет до вечера, так что остерегаться ему было некого. А я вошел в избу внезапно.

Часа два-три я просидел. Сокк за это время не раз посылал меня домой, однако я сидел. Наконец, он вышел в сени. Ну, пора! Тихо положил лапоть на пол и на цыпочках (я был босой) метнулся к чемодану. Открылись защелки обоих замков. Откинул крышку. Сверху лежал темно-серый штатский костюм, под ним - пистолет (не барабанный милицейский наган), ниже слева в полдлины чемодана - пачки советских денег, а справа - что-то в упаковках. Быстро закрыл крышку, защелкнул замки, сам - на место. Только взял лапоть в руки, Сокк - в избу. Промедли я секунду, и застал бы он меня у чемодана. Да тут же бы и убил. Стукнул бы даже лаптем на колодке и - все. И утащил бы ночью за огороды в шохристый лес, что мысом вдавался к деревне. В тот лес не ходили люди.

Видно, крепкие у меня были нервы: не дрогнули руки, голос. А ведь пришлось еще тянуть время, сидеть тут. Сразу уходить нельзя.

[1] Материал I - V и частично VII главы данной публикации был впервые опубликован в газете "Ветлужский край" (№121 от 11 августа 1999 года). Перепечатывается с некоторыми изменениями и сокращениями